

Научная статья
УДК 343.9
EDN HZLFJQ
DOI 10.17150/2411-6122.2024.4.64-74

Современное состояние и проблемы развития понятийного аппарата учения о предмете криминалистики

И.А. Макаренко✉, **А.А. Эксархопуло**

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация

Автор, отвечающий за переписку: И.А. Макаренко, ilona475@mail.ru

Аннотация. Несмотря на то, что криминалистика не относится к молодым наукам, дискуссии относительно ее предмета продолжают по сей день. О предмете криминалистики высказывались как ее основоположники, так и современные исследователи. Тем не менее, хотелось бы обратить внимание на один важный аспект учения о предмете криминалистической науки, который, не найдя адекватного и полного отражения в полученных результатах науковедческих исследований, даже при всей его методологической значимости и сегодня остается практически неисследованным. Имеется в виду проблема формирования и использования базовых понятий, категорий и терминов в криминалистическом учении о предмете науки, прежде всего, в единстве ее языка, общности используемых понятий, категорий, терминов. Следует признать, что и сегодня без ответа остаются такие фундаментальные для криминалистического познания предмета науки вопросы, как вопросы о соотношении понятий предмета и объекта науки, предмета научного познания и предмета научного исследования, предмета науки и предмета учебного курса. Нет однозначности и в оценке состава явлений, относимых к предмету криминалистики, и тех, которые получают отражение в ее определениях.

Ключевые слова: предмет криминалистики, базовые понятия, соотношение предмета и объекта криминалистики.

Для цитирования: Макаренко И.А. Современное состояние и проблемы развития понятийного аппарата учения о предмете криминалистики / И.А. Макаренко, А.А. Эксархопуло. — DOI 10.17150/2411-6122.2024.4.64-74. — EDN HZLFJQ // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2024. — № 4. — С. 64–74.

Original article

The Current State and Problems of Developing the Conceptual Apparatus in the Theory of the Subject of Criminalistics

I.A. Makarenko✉, **A.A. Exarkhopulo**

Ufa University of Science and Technology, Ufa, the Russian Federation

Corresponding author, I.A. Makarenko, ilona475@mail.ru

Abstract. Although criminalistics is not considered to be a young science, discussions regarding its subject continue to this day. Both the founders of criminalistics and contemporary researchers have expressed their opinions on this issue. In spite of this, the authors would like to draw attention to one important aspect of the teaching on the subject of criminalistics which, in spite of its methodological signif-

icance, has not yet been adequately and fully reflected in scientific studies and remains practically unexplored. It is the issue of formulating and using key concepts, categories and terms in the criminalistic theory on the subject of science, primarily, the unity of its language, the use of shared concepts, categories and terms. It should be recognized that such questions, fundamental for the criminalistic cognition of the subject of science, as the correlation between is subject and object, the subject of scientific cognition and the subject of scientific research, or the subject of science and the subject of a study course, still remain unanswered. There is also ambiguity in the assessment of the composition of phenomena included in the subject of criminalistics, and those reflected in its definitions.

Keywords: the subject of criminalistic, basic concepts, relationship between the subject and the object of criminalistics.

For citation: Makarenko I.A., Exarkhopulo A.A. The Current State and Problems of Developing the Conceptual Apparatus in the Theory of the Subject of Criminalistics. *Sibirskie Uголовno-Processual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2024, no 4, pp. 64–74. (In Russian). EDN: HZLFJQ. DOI: 10.17150/2411-6122.2024.4.64-74.

Введение

Учение о предмете криминалистики относится к числу важнейших науковедческих теорий, положения которой имеют базовое, методологическое значение для всей криминалистической науки. Началом формирования данного криминалистического учения следует считать момент зарождения самой науки, который принято связывать с именем австрийского профессора, бывшего судебного следователя Ганса Гросса [1, с. 52].

О предмете криминалистики вынуждены были задумываться практически все ученые, начиная с ее основоположников и кончая современными представителями новых поколений исследователей, причем, независимо от того, какие конкретно прикладные задачи науки им приходилось решать. Ибо даже сама постановка таких задач становилась возможной лишь при условии осознания того, чем должна заниматься криминалистика, какой спектр явлений действительности она призвана исследовать и познавать, добиваясь истинного о них знания. Только имея представление о предмете науки, мы можем выделить ту область челове-

ской практики, на которую криминалистика должна и способна оказывать позитивное воздействие, иначе говоря, максимально эффективно ее обслуживать [2, с. 466]. Не зря говорится, что «Предметом познания становятся, прежде всего, те аспекты объективной реальности, знания о которых необходимы для практической деятельности общества» [3, с. 17]. И поэтому, только определив предмет конкретной науки, появляется реальная возможность индивидуализировать и саму отрасль научного знания, выделив ее среди иных, родственных ей наук. «Само существование частных наук, — отмечали ученые — философы, — возможно только благодаря выделению из многообразия мира некоторых специальных предметов, и, стало быть, благодаря ограничению их от остального мира» [4, с. 22].

Но не только потребности в подтверждении индивидуальности криминалистики, как самостоятельной научной дисциплины, определяли необходимость осознания предмета ее познания, но еще и возникающие на основе выделения специфического предмета криминалистической науки возмож-

ности очертить круг ее собственных, перспективных для решения и вместе с тем актуальных задач. Ибо, как учит философия, «...*вопрос об определении предмета той, или иной области знания приобретает не только теоретическое, но и важное практическое значение, так как от четкого понимания предмета науки во многом зависит постановка основных задач ее развития*» [5, с. 127].

Теоретическое обоснование

Проблема осознания предмета криминалистики, попытки дать максимально полное и точное его определение на протяжении всей истории развития криминалистики неизменно оказывались в поле зрения ученых. Анализу представлений о природе и сущности криминалистики как прикладной науки, о ее предмете и объекте познания, о криминалистических понятиях и категориях данной частной криминалистической теории посвящали свои работы наиболее авторитетные авторы, формируя, таким образом, важнейшее направление науковедческих исследований, ставших сегодня в ряд базовых общекриминалистических теорий со своим компонентным составом, функциями, принципами и законами развития. Получив общее название «Учения о предмете криминалистики», все его структурные компоненты получали обоснование и известное развитие. Особое внимание уделялось исследованиям генезиса рассматриваемого учения, поиску оптимальных определений предмета науки и круга явлений, которые определяли бы сущность этого предмета и включали бы в себя все те сферы человеческой деятельности и весь круг тех материальных объектов, действий и явлений, познание которых отличалось бы спец-

ификой, характерной именно для криминалистической науки.

Надо сказать, что в этой части были достигнуты немалые успехи, и прежде всего, усилиями таких известных отечественных ученых, как А.И. Винберг, Р.С. Белкин, А.Н. Васильев, И.Ф. Крылов, Н.А. Селиванов, И.А. Возгрин и других авторитетных авторов. Сегодня эти исследования продолжили Домбровский, А.А. Эксархопуло, О.В. Чельшева и ряд других известных ученых.

Учитывая обстоятельность, многоплановость и разносторонность проведенных указанными авторами исследований науковедческих проблем криминалистики, вряд ли есть необходимость еще раз возвращаться сегодня к сути самого учения о предмете криминалистической науки, к его эволюции и проблемам развития, получившим надлежащее и достаточно полное отражение в их работах. Об этом сказано было уже достаточно.

Тем не менее, хотелось бы обратить внимание на один важный аспект учения о предмете криминалистической науки, который, не найдя адекватного и полного отражения в полученных результатах науковедческих исследований, даже при всей его методологической значимости и сегодня остается практически неисследованным. Мы имеем в виду проблему формирования и использования базовых понятий, категорий и терминов в криминалистическом учении о предмете науки. Притом, что эта проблема касается того важнейшего аспекта теоретического знания, без анализа которого невозможно достичь консенсуса в решении любых вопросов, возникающих по мере развития учения о предмете криминалистики.

Представляя собой важнейший элемент, и обязательный компонент любой частной криминалистической теории, в

том числе учения о предмете криминалистики, развитый понятийный аппарат позволяет теории развиваться, преодолевая неизбежно возникающие противоречия, и способствуя в то же время единообразному восприятию предмета криминалистики, как ее потребителями, так и разработчиками создаваемых наукой познавательных средств и методов.

При большом разнообразии взглядов на природу, сущность и содержание криминалистической науки, особенно заметное во взглядах отечественных и зарубежных ученых, именно сформировавшийся понятийный аппарат учения о предмете криминалистики, будучи общим его компонентом, способен объединить все науковедческие исследования, направив усилия ученых на преодоление разногласий и, в конечном счете, на решение проблем предмета науки. Это общее в учении о предмете криминалистики выражается, прежде всего, в единстве ее языка, общности используемых наукой понятий, категорий, терминов. Ясно должно быть, что если в один и тот же термин вкладывать разный смысл, или по-разному обозначать одно и то же познаваемое наукой явление, то добиться взаимопонимания в решении любых криминалистических проблем вряд ли удастся. Это в полной мере относится и к учению о предмете криминалистики.

Между тем, следует признать, что и сегодня без ответа остаются такие фундаментальные для криминалистического познания предмета науки вопросы, как вопросы о соотношении понятий *предмета* и *объекта* науки, *предмета* научного *познания* и *предмета* научного *исследования*, *предмета науки* и *предмета учебного курса*. Нет однозначности и в оценке состава явлений, относимых к *предмету* криминалисти-

ки, и тех, которые получают отражение в ее *определениях*.

И поэтому не стоит удивляться тому, что ученые по-разному начинают понимать *сущность* криминалистической науки, и по-разному оценивать разнообразие ее *содержания*, не замечая, порой, различий между первым и вторым. Наконец, до настоящего времени практически никто из исследователей не предложил критерии для разграничения *предмета* науки и *предмета* ее теории, хотя разница между этими понятиями есть, и она существенна, поскольку заметно влияет как на развитие науки, так и на формирование ее теории. И если предмет любой науки составляют реальные явления, процессы, действия [6, с. 43], то предметом теории могут стать лишь идеализированные модели этих явлений и процессов, описываемые с помощью абстрактных объектов [7, с. 159].

Поэтому при разнообразии взглядов на сущность предмета науки и предмета ее теории возможны и разные оценки сущности теоретического знания по сравнению с эмпирическими обобщениями. Отсюда и возникают в криминалистике псевдотеоретические конструкции, представляемые некоторыми авторами в качестве новых, ими разработанных частных криминалистических теорий. Создать теорию не просто, легче провозгласить ею то, что реально может быть познано наукой, но от этого теорией не станет.

И поэтому, трудно, вероятно, придумать более эффективный способ довести противоречия в возникающих время от времени дискуссиях о предмете криминалистики до абсурда, нежели использовать разный понятийный аппарат к одним и тем же явлениям, либо пытаться вкладывать разный смысл в одни и те же понятия. К сожалению,

такое случается нередко. Такого рода издержки научных дискуссий особенно явно проявились в спорах о сущности общетеоретических основ криминалистической науки. Так, Р.С. Белкин, в своем стремлении раскрыть понятие и привести в единую систему все теоретическое знание, накопленное в криминалистике, предложил различать **общую ее теорию**, отображающую предмет криминалистики в целом и подчиненные ей, то есть входящие в состав общей теории, **частные криминалистические учения и теории** [8, с. 98]. Дискутируя с Р.С. Белкиным, Н.А. Селиванов в качестве аргументов против провозглашения всех абсолютно теорий, созданных в криминалистике, частными криминалистическими теориями, привел в качестве примера, якобы, опровергающего идеи авторитетного коллеги, теорию криминалистической идентификации, назвав ее **«общей криминалистической теорией»** [9, с. 12].

В ответ на оценку Н.А. Селивановым своей идеи, но и не вдаваясь в терминологические тонкости используемых им и его оппонентом понятий, Р.С. Белкин заметил, что данная криминалистическая теория не может играть роли **общей теории криминалистики**, поскольку охватывает не весь предмет криминалистической науки, а только его часть [10, с. 227] (выделено нами — *И.М., А.Э.*).

Как можно заметить, в рассуждениях двух выдающихся ученых фигурируют три разных понятия, используемые ими для обозначения одной и той же теории — теории криминалистической идентификации. Н.А. Селиванов называет ее **«общей криминалистической теорией»** (первое понятие), в то время как Р.С. Белкин настаивает на том, что теория идентификации должна рассма-

триваться в криминалистике исключительно как **частная теория** (второе понятие), поскольку отображает лишь часть предмета науки. И на том основании делает вывод, что теория криминалистической идентификации не может играть роли **«общей теорией криминалистики»** (третье понятие).

Казалось бы, в своих оценках сути теории криминалистической идентификации авторы непримиримы, однако это не так. Мы абсолютно убеждены в том, что причиной всех этих разночтений явилось вовсе не разнообразие взглядов ученых на сущность теории криминалистической идентификации, а неоднозначность использованной ими терминологии. Ибо и Белкин Р.С., и Селиванов Н.А. были прекрасно осведомлены об общекриминалистическом ее значении, и о том, что в рамках данной теории разрабатываются научные положения, применимые к любым идентификационным исследованиям, проводимым, как в криминалистической технике (идентификационная экспертиза), так и в тактике (предъявление для опознания). Не говоря уже про частную методику расследования отдельных видов преступлений, где положения техники и тактики синтезируются применительно к расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел соответствующих видов и разновидностей. Иначе говоря, ни для кого не секрет, что теория криминалистической идентификации имеет общее для всех разделов криминалистики значение, и поэтому, несомненно, является общей криминалистической теорией, что, конечно же, не делает ее Общей теорией всей криминалистики.

При этом, имея общекриминалистическое значение, теория криминалистической идентификации, находясь в системе теорий, только в своей совокуп-

ности отражающих предмет познания науки, несомненно, носит частный характер, и прежде всего, по отношению к криминалистике в целом. Поэтому прав и Р.С. Белкин, назвавший ее частной теорией, имея в виду лишь то, что теория идентификации является частью теоретического знания, накопленного в науке. В контексте отмеченного нами, общий для всех разделов криминалистики характер разрабатываемых в данной теории положений отнюдь не противоречит ее оценке как теории *частной* по отношению ко всему объему теоретического знания, сформировавшегося в криминалистической науке.

Очевидно, что в рассуждениях ведущих ученых-криминалистов нет существенных расхождений; оба автора правы, и, тем не менее, говорят «на разных языках». Ибо Н.А. Селиванов сравнивает понятия «общая криминалистическая теория» и «частная криминалистическая теория», раскрывая их связи как РОДА и ВИДА теорий. В то время как Р.С. Белкин говорит об «Общей теории криминалистики» и «частной теории криминалистики», имея в виду их взаимосвязи и отношения как ЦЕЛОГО и ЧАСТИ [11, с. 65].

Следовательно, причиной разных оценок методологической сущности теории криминалистической идентификации, предложенных учеными, стало разнообразие взглядов на ее природу и место в системе теорий криминалистики, а то, что для характеристики одной и той же теории авторы использовали разные понятия.

Не менее парадоксальными стали и противоречия ученых, исследовавших сущность познаваемых криминалистикой явлений, но при этом, даже не пытавшихся дать объяснения различию используемых ими понятий и терминов для обозначения одних и тех же явле-

ний материального мира. Так, заметную путаницу можно было наблюдать, к примеру, в использовании понятий **объект** и **предмет** криминалистики. Одни авторы в обозначении изучаемых наукой явлений действительности предпочитали пользоваться термином **объект**, другие называли познаваемые наукой явления ее **предметом**, третьи, не видя разницы между **предметом** и **объектом** науки, употребляли оба понятия как тождественные, либо как вполне сосуществующие друг с другом и не имеющие существенных различий. Самый простой, но не самый удачный выход из понятийного тупика нашел С.А. Величкин, который, даже не пытаясь дать объяснение используемым им терминам — *объекту и предмету познания*, просто объединил оба термина в один, написав их через дефис. Так в интерпретации автора предмет криминалистики превратился «в *объектно-предметную область исследования*» криминалистической науки [12, с. 65]. К чему приводит смешение двух не совпадающих по смыслу и содержанию понятий, можно проиллюстрировать на примере авторских идей о сужении предмета криминалистики. Так, высказавшись против включения преступной деятельности в состав явлений, которые начиная еще с Ганса Гросса, традиционно относились к **предмету криминалистики**, С.А. Величкин отказался признать преступление и «**объектом**» ее познания [12, с. 75].

Заблуждение автора состояло, на наш взгляд, не только в том, что он не увидел разницы между **предметом** науки и ее **объектами**, совпадающими лишь отчасти, но и в том, что преступление может изучаться разными науками, в разных отношениях и с разной целью. И криминалистика в исследованиях криминальных событий как объ-

екта науки, а не предмета своего изучения, вовсе не уникальна, и в этом отношении находится в одном ряду с уголовным правом, криминологией, уголовным процессом, судебной медициной и т.д. Однако, у каждой из этих отраслей научного знания возникает свой, индивидуальный интерес к преступной деятельности, обусловленный спецификой собственного предмета познания.

Несколько иначе, но тоже пренебрежительное отношение к терминологии, принятой в учении о предмете криминалистики, продемонстрировал другой известный и весьма авторитетный автор. В частности, анализируя высказанную Р.С. Белкиным идею о включении в **предмет** криминалистики объективных закономерностей механизма преступления, профессор О.Я. Баев посчитал, что «в настоящее время следует вести речь об изучении не только закономерностей механизма совершения преступлений..., что **объект познания** криминалистики более широк; в рассматриваемом отношении это изучение закономерностей преступной деятельности в целом...». И далее: «Такая потребность в расширении **объектов познания** криминалистики, на наш взгляд, обусловливается...» [13, с. 22]. (выделено нами — *И.М., А.Э.*).

Между тем, как известно, закономерности преступной деятельности изучает, и уголовное право, и криминология, и судебная психология. Говорить о таких закономерностях как **объекте**, а не как о **предмете** криминалистики, значит поставить под вопрос самостоятельность и индивидуальность криминалистики, ибо оба этих качества наука приобретает только с выделением изучаемых ею явлений действительности в качестве предмета своего познания, а

не как объекта или объектов, которые познаются многими науками.

Не делает терминологических различий между объектом и предметом криминалистической науки также профессор А.М. Кустов, называя и то и другое в качестве явлений одного порядка, и относимых автором к предмету познания криминалистики: «*Ряд положений криминалистики, — пишет автор, — по своей теоретической и практической значимости вышел далеко за рамки собственного предмета познания...*» [14, с. 12]. А значит, считает профессор Кустов А.М., «*криминалистическая наука стоит на пороге существенного... расширения границ предмета науки и количества объектов научного познания*» [14, с. 13]. Речь в контексте высказываний автора идет о расширении предмета криминалистики за счет распространения ее влияния на всю сферу правоприменения, где могут оказаться полезными криминалистические разработки.

Необоснованное смешение двух связанных между собой, но не совпадающих в полной мере понятий и стало, на наш взгляд, причиной того, что соблазн расширить круг познаваемых наукой явлений действительности, а с ним и предмет ее познания, оказался легко преодолимым. Хотя и не самым удачным способом решения понятийных проблем учения о предмете криминалистики. Порочность допущенного отдельными авторами смешения понятий **предмет** и **объект** науки проявилась в том, что отказ их различать в известной степени лишает криминалистику одного из важнейших признаков ее индивидуальности. «*Одна и та же материальная система, — отмечают философы, — может служить объектом исследования различных наук, а в предмете выражается специфика*

данной науки, которая изучает лишь отдельные стороны или свойства объекта» [5, с. 128].

Из этого следует, что замена предмета научного познания на объекты, превращает криминалистику из относительно обособленной, но самостоятельной отрасли знания, в похожую дисциплину, и даже в подчиненную всем тем наукам, которые изучают те же, что и криминалистика объекты.

Между тем, именно спецификой предмета своего познания, а не объекта, криминалистика отличается от всех иных наук, в том числе наук криминалистического цикла — уголовного права, криминологии, уголовного процесса, судебной психологии и т.д. И именно благодаря осознанию обособленности своего предмета, у криминалистики возникает, соответственно, «законное» право ставить перед собой задачи, которые только она — криминалистика, и призвана по своей природе, и может решать. Дополнив собственный *предмет* познания, присущий только ей, многочисленными новыми *объектами*, ученые вольно или невольно объявляют предметом криминалистики те явления действительности, которые не способны раскрыть ее специфику, поскольку они никогда предмету криминалистики не принадлежали, и не могли принадлежать, оставаясь предметом гражданского права и процесса, административного права и иных сфер правоприменения. То есть в тех сферах правоприменительной деятельности, на которые авторы идеи расширения предмета криминалистики с энергией, достойной лучшего применения, желали бы распространить влияние своей науки. Это необдуманное предложение решить сложную проблему, возникшую в рамках учения о предмете криминалистики, путем манипулирования его

понятиями и категориями, неизбежно повлечет за собой обязанность криминалистики обслуживать все те сферы человеческой деятельности, которые станут потенциальными потребителями любых ее разработок. Готова ли криминалистика «объять необъятное» — вот в чем вопрос.

Как выясняется, никто на него даже не пытается ответить, ограничиваясь надуманным провозглашением необходимости расширить предмет науки за счет объектов, изучаемых многими отраслями знания, то есть тех объектов науки, которые не способны ее индивидуализировать. И это в лучшем случае. В худшем подобные идеи спровоцирует активность представителей тех отраслей знания, из которых криминалистика в течение многих десятилетий и даже столетий черпала свои новые идеи, творчески приспособляя их для собственных нужд. Но если такое произойдет, то вряд ли у нас будут основания удивляться тому, что физики, химики, биологи, психологи, медики и другие ученые, следуя примеру уважаемых коллег из криминалистической среды, станут действовать аналогично тому, как предлагают решать проблемы предмета науки криминалисты. И тогда физика на полном основании отнимет, и по праву, все физические средства познания события преступления, приспособленные криминалистикой за годы и десятилетия своего существования, химия — химические, психология — все тактические приемы, в частности, приемы установления психологического контакта с участниками расследования и судебного рассмотрения уголовных дел. Добавив к ним приемы оказания на них психологического воздействия, и многие другие тактические приемы,

основанные на психологии. Логика, в свою очередь, с ее инструментари-ем вернет себе криминалистическую версию как собственный логический прием гипотетической реконструкции познаваемого события преступления и т.д.

И тогда, действуя с теми же аргументами, с какими криминалисты «посягают» на некриминалистические сферы деятельности, ученые из разных отраслей знания начнут требовать расширения своих собственных предметов познания, доведя криминалистику тем самым до того состояния, когда она перестанет существовать как самостоятельная наука.

Результаты исследования

Чтобы этого не случилось, необходимо, чтобы те явления, процессы, которые предлагаются включить в состав изучаемых криминалистической наукой, оставались ее объектами, а не предметом познания. И среди них все интересующие криминалистику явления действительности, начиная с любых правоприменительных процедур, и кончая достижениями научно-технического прогресса или открытиями естественнонаучного свойства, которые без ущерба для развития самой криминалистической науки смогут пополнить «арсенал» источников информации, необходимых для познания криминалистикой собственного предмета. А не ради искусственного его расширения за счет явлений, которые вполне успешно познаются «материнскими» науками, выступая в качестве их собственных предметов познания. Что никак не может помешать любым другим отраслям научного знания, в том числе, разумеется, и криминалистике, эти объекты самостоятельно исследовать в целях удовлетворения собственных потреб-

ностей, включая обеспечение правоохранительной деятельности более совершенными средствами, приемами и методами.

Из сказанного следует еще один вывод, о том, что факт использования криминалистических знаний в некриминалистической сфере деятельности вовсе не является основанием расширения предмета криминалистики. Ибо не кругом потребителей ее научных достижений определяется предмет криминалистики, и не перспективами возможного распространения результатов ее научных исследований за пределы обслуживаемой данной наукой сферы деятельности человека, а теми особыми сторонами, специфическими чертами, свойствами и признаками изучаемого объекта, который познается только данной наукой и никакой другой. Для того и было введено в научный оборот понятие «предмет науки» или «предмет познания науки», чтобы можно было отличать одну отрасль знания от другой. *«Для более точного выражения познаваемого вводится понятие предмета познания. Им могут быть либо отдельные вещи..., либо их отдельные свойства ..., либо их условное выражение при помощи моделей, слов, знаков или символов. В этом смысле каждая наука имеет свой предмет исследования»* [6, с. 45].

И таких отличительных признаков объектов, составляющих предмет криминалистики, множество, а потому дать их исчерпывающий перечень в определениях любой науки в принципе невозможно. Поэтому все иные стороны, свойства и признаки таких объектов, отличаясь разнообразием, могут и должны изучаться комплексом наук. Ибо никто заранее не может сказать, какую пользу для себя в будущем сможет извлечь наука, в том числе криминалистика из изучения ранее неизвестных

ей явлений природы. Желание ученых изучать все новые и новые объекты никогда не становилось следствием умозрительного расширения наукой собственного предмета. Тем более не являлось показателем правомерности такого расширения. Потребность в расширении круга изучаемых наукой объектов, а именно о них, а не о предмете

фактически рассуждают многие ученые, исторически и, по существу, обуславливалась, прежде всего, целью научного познания. И эта цель состояла и состоит в необходимости расширять не предмет науки, а знания об этом предмете, о свойствах и признаках познаваемых наукой явлений, процессов и их закономерностей.

Список использованной литературы

1. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия / Р.С. Белкин. — Москва: БЕК, 1997. — 342 с.
2. Капица П.Л. Эксперимент, теория, практика. Статьи и выступления / П.Л. Капица. — 4-е изд., испр. и доп. — Москва: Наука, 1987. — 496 с.
3. Материалистическая диалектика: в 5 т. / под общ. ред. Ф.В. Константинова, В.Г. Марахова. — Москва: Мысль, 1982. — Т. 2. — 288 с.
4. Лекторский В.А. Методологический анализ науки. Философия. Методология. Наука / В.А. Лекторский, В.С. Швырев. — Москва: Наука, 1972. — 236 с.
5. Материалистическая диалектика. в 5 т. / под общ. ред. Ф.В. Константинова, В.Г. Марахова. — Москва: Мысль, 1983. — Т. 3. — 342 с.
6. Мостапаненко М.В. Философия и методы научного познания / М.В. Мостапаненко. — Ленинград: Лениздат, 1972. — 264 с.
7. Степин В.В. К проблеме структуры и генезиса научной теории. Философия. Методология. Наука / В.В. Степин. — Москва: Наука, 1972. — 158 с.
8. Белкин Р.С. Общая теория криминалистики в условиях научно-технической революции / Р.С. Белкин // Советское государство и право. — 1977. — № 5. — С. 106.
9. Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий / Н.А. Селиванов. — Москва: Юрид. лит., 1982. — 150 с.
10. Белкин Р.С. Общая теория советской криминалистики / Р.С. Белкин. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1986. — 397 с.
11. Эксархопуло А.А. Основы криминалистической теории / А.А. Эксархопуло. — Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1992. — 116 с.
12. Величкин С.А. Научные основы криминалистики / С.А. Величкин. — EDN RCAVUJ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2013. — № 3. — С. 65–99.
13. Баев О.Я. К дискуссии об объекте, предмете и субъективной системе современной криминалистики / О.Я. Баев. — EDN RWSSSL // Воронежские криминалистические чтения. — 2013. — № 15 — С. 18–40.
14. Кустов А.М. У истоков и источников криминалистической науки / А.М. Кустов // Вестник криминалистики. — 2015. — № 2 (54). — С. 8–14.

References

1. Belkin R.S. *The Criminalistic Encyclopedia*. Moscow, BEK Publ., 1997. 342 p.
2. Kapitsa P.L. *Experiment, Theory, Practice. Articles and Speeches*. 4th ed. Moscow, Nauka Publ., 1987. 496 p.
3. Konstantinov F.V., Marakhov V.G. (eds.). *Materialistic Dialectics*. Moscow, Mysl Publ., 1982. Vol. 2. 288 p.
4. Lektorskii V.A., Shvyrev V.S. *The Methodological Analysis of Science. Philosophy. Methodology. Science*. Moscow, Nauka Publ., 1972. 236 p.
5. Konstantinov F.V., Marakhov V.G. (eds.). *Materialistic Dialectics*. Moscow, Mysl Publ., 1983. Vol. 3. 342 p.

6. Mostapanenko M.V. *The Philosophy and Methods of Research Cognition*. Leningrad, Lenizdat, Publ., 1972. 264 p.
7. Stepin V.V. *To the Problem of the Structure and Genesis of Scientific Theory. Philosophy. Methodology. Science*. Moscow, Nauka Publ., 1972. 158 p.
8. Belkin R.S. The General Theory of Criminalistics in the Conditions of Scientific and Technical Revolution. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1977, no. 5, pp. 106. (In Russian).
9. Selivanov N.A. *Soviet Criminalistics: A System of Concepts*. Moscow, Yurid. Lit. Publ., 1982. 150 p.
10. Belkin R.S. *The General Theory of Soviet Criminalistics*. Saratov State University Publ., 1986. 397 p.
11. Exsarkhopulo A.A. *The Basics of Criminalistic Theory*. Saint Petersburg State University Publ., 1992. 116 p.
12. Velichkin S.A. Scientific Foundations of Criminalistics. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2013, no. 3, pp. 65–99. (In Russian). EDN: RCAVUJ.
13. Baev O.Ya. To the Discussion of the Object, Subject, and the Subjective System of Modern Criminalistics. *Voronezhskie kriminalisticheskie chteniya = Voronezh Criminalistic Readings*, 2013, no. 15, pp. 18–40. (In Russian). EDN: RWDSLL.
14. Kustov A.M. At the Sources and Beginnings of Criminalistic Science. *Vestnik kriminalistiki = Bulletin of Criminalistics*, 2015, no. 2, pp. 8–14. (In Russian).

Информация об авторах

Макаренко Илона Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики, Институт права, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация, ilona475@mail.ru.

Эксархопуло Алексей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, Институт права, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация, a.exarkhopulo@mail.ru.

Authors Information

Makarenko, Iona A. — Doctor of Law, Professor, Head, Department of Criminalistics, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, the Russian Federation, ilona475@mail.ru.

Exarkhopulo, Alexey A. — Doctor of Law, Professor, Department of Criminalistics, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, the Russian Federation, a.exarkhopulo@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 11.11.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 23.11.2024

Принята к публикации / Accepted 13.12.2024

Дата онлайн-размещения / Available online 19.12.2024